

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ж. Т. Тощенко

Религиозная идентичность и бюрократия

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Toshenko.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Глава 4

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И БЮРОКРАТИЯ

Ж.Т. Тощенко

Все искусство управления
состоит в искусстве быть честным.

*Т.Джефферсон (1743-1826),
президент США (1801-1809)*

Характеристика любой (национальной, профессиональной, региональной или любой иной) идентичности, на наш взгляд, предполагает наличие следующих трёх факторов:

- Во-первых, нужно, чтобы человек сам *считал себя* частью этого сообщества, и не «в душе», а показывая это («Я» – фактор).
- Во-вторых, чтобы сообщество было с этим *согласно*, и демонстрировало это согласие не на словах, а на деле («Мы» – фактор).
- И, в-третьих, чтобы это *признавали* посторонние – то есть всякие «третьи лица» («Они» – фактор).

Такой поход, по нашему мнению, с полным основанием можно отнести к религиозной идентичности. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время она формируется и функционирует достаточно противоречиво. После взлета интереса к религии, наступили времена, которые ставят под сомнение качество той идентичности, когда человек заявляет: «я - православный», «я – мусульманин», «я - иудей». «я – буддист» и т.д.

Наиболее общей базовой характеристикой религиозной идентичности (от человека и малой группы до общества в целом) является **состояние религиозности**. Оно синтезирует качественно-количественную определенность уровня, степени и характера религиозности в их единстве и устойчивом сочетании с личностным восприятием своей принадлежности к

данному мировоззрению. Для раскрытия ее состояния используются не только результаты опросов (особенно, когда речь идет о состоянии религиозности в стране, крупном этническом регионе и т.д.), но и анализ процессов, происходящих в массовом религиозном сознании и религиозной идеологии. Раскрытию религиозной идентичности способствует представление о конфессиональной структуре населения, направленности, характере и интенсивности деятельности религиозных организаций, объединений верующих, их влияние на окружающую социальную среду. Именно такой подход и позволяет более реально оценить состояние религиозной идентичности, которая достаточно противоречива и неоднозначна.

Идентификация людей с определенной религией в любом обществе неоднозначна, в жизни она может меняться время от времени, порой даже на весьма коротком ее отрезке, под влиянием окружающей среды, общественной атмосферы, жизненных обстоятельств, идеологического воздействия. Поэтому религиозную идентичность можно определить через весь диапазон отношения людей к религии: от религиозности (разных форм и интенсивности) – через колебания в вере (неопределенность отношения к религии, индифферентность) – до неверия и атеизма.

В нашей стране произошло сближение понятий национальная и религиозная идентичность, которые взаимно покрывают друг друга, в свою очередь порождая весьма сложные взаимосвязи в общественном сознании и социальной практике. Под воздействием изменившейся ситуации появилась наряду с истинно верующими *категория примкнувших*, «зачисливших» себя в религию под влиянием общественной моды. В результате того что слово «верующий» становится все более «нормальным», уважаемым, а слово «атеист» – неприличным, мы имеем дело с весьма интересным и специфическим явлением: атеизм «очищается» от тех, кто считал себя ранее атеистом скорее всего из конформистских соображений, а вера «замутняется», ибо к ней примыкают отнюдь не только в связи с

изменившимся мировоззрением¹.

Осложняет вывод о религиозной идентичности такая существенная, выявленная социологами, особенность: число людей, заявляющих о своей конфессиональной принадлежности оказывается существенно больше тех, кто относит себя к верующим. Иначе говоря, считающих себя православными и мусульманами больше, чем верящих в Христа, Аллаха, Моисея, Будду и т.д. Этот разрыв, по данным ряда исследований, достигает 20%. Очевидно, что в этом случае религиозная самоидентификация осуществляется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной культурой, национальным образом жизни, в значительной мере сформировавшимися под воздействием данной религии. В то же время известно, что самооценка не может служить достаточным и надежным основанием для объективной характеристики мировоззренческой позиции человека.

Подобное отношение к собственно религиозной практике, характерное для многих развитых стран, свидетельствует о сложности и неоднозначности процесса, который нередко обобщенно называют «религиозным ренессансом». Можно полагать, что в новом столетии вопросы собственно веры и неверия будут решаться не под влиянием моды, а естественным путем, и станут делом свободного и осознанного выбора. Это крайне важно для российского общества, где существуют около 60 конфессий, и где многие члены общества – неверующие, а также безразлично относящиеся к религии или неопределившиеся в своих мировоззренческих исканиях².

Весьма специфично эта идентичность проявляется у разных групп бюрократии. Нужно отметить, что чиновничество во всех странах мира никогда не было резко отделено от религии. История свидетельствует, что в процессе взаимодействия с религией чиновники не только были истинно

¹ См. Современная религиозная жизнь России. Опыт системного описания. Т. 1-2. /Отв. ред. М.Бурдо, С.Б.Филатов. М.:2004.

² Подробнее см. Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. М.: 2005.

верующими: среди них было немало тех, кто приспособивался, мимикрировал, фальшивил, использовал религию в своекорыстных целях. В странах, которые именовали себя ранее социалистическими, определенная часть чиновников нередко скрывало свое поведение, использовало тайные контакты приобщения к религии, что приводило к серьезным конфликтам, ибо это рассматривалось как отказ от социалистической идеологии. Но то, что стало происходить с бюрократами всех уровней в их отношениях с религией в большинстве постсоветских государств, превзошло самые изощренные фантазии и возможности уникального приспособленчества.

Оно породило уникальные формы, которых не знало ни одно светское государство.

Хотя страны СНГ формально являются светскими, взаимодействие по линии «чиновник – религия» обрело порой гротескные и мало вразумительные формы. Например, как нормальному человеку в светском государстве реагировать на такое сообщение: «В городе Лениногорске (Восточно-Казахстанская область) открылась мечеть, разместившаяся в здании бывшей гостиницы. Ей присвоено имя Динмухамеда Кунаева – бывшего первого секретаря ЦК компартии республики, члена Политбюро ЦК КПСС и личного друга Л.Брежнева»³. И такие парадоксальные случаи гротескного симбиоза или мутации не так уж редки и в России и в других постсоветских странах, когда на вооружение государственной власти и деятельности чиновничества взят религиозный фактор, как мощное средство укрепления личной и групповой власти (за неимением других средств вследствие непопулярной политики большинства правительств стран СНГ).

Типология чиновников по их отношению к религии

Если оценить в общих чертах ситуацию взаимоотношений бюрократии и религии, то можно сказать, что среди чиновников, безусловно, есть

³ Известия. 1997, 7 февраля.

определенная группа тех, кто истинно верует – они по своей религиозной идентичности мало чем отличаются от истинно верующих людей, хотя, как показывают социологические исследования, воцерквленных (т.е. соблюдающих и регулярно выполняющих все религиозные предписания) не превышает 5-7% населения. Но между истинно верующими и безразлично относящимися к религии имеется определенная часть ***представителей российских чиновников, которые используют религию в инструментальных целях***, т.е. как средство достижения личных или групповых целей.

Исходя из этого постулата, попытаемся дать классификацию типов этой части чиновников по их отношению к религии.

Во-первых, это карьеристы, которые рассматривают религию как орудие в политической борьбе для получения новой должности или депутатского мандата. В их выступлениях стали обязательным правилом, оправданием и демонстрацией своей верности религии постоянное подчеркивание важности учета религиозных факторов. По сути дела они рассматривают их как выгодный товар. Многие «представители любой части политического или идеологического спектра – от консерватора до либерала – постоянно поддаются искушению цитировать Писание избирательно, профанировать и вульгаризировать его»⁴.

Примечательно в этом случае судьба Абдул Вахмед Ниязова, депутата Госдумы, лидера межфракционной группы «Евразия», председателя президиума политсовета Евразийской партии России. В начале 1990-х годов, когда ему только исполнилось 20 лет, он стал руководить Исламским культурным центром при московской соборной мечети. Во время поездки имам-хатыба мечети Равиля Гайнутдина он собрал мусульманскую общину и объявил, что он отныне будет главой московского муфтията. Однако это ему не удалось – после возвращения имама он был изгнан из мечети. Позже в 1996г. Ниязов вновь оказался в центре скандала вокруг московской

⁴ Хилл К., Филатов С. Христиане и власть /НГ, 1992, 1 ноября.

Исторической мечети. Он и еще ряд его сторонников пытались сместить имама Махмуда Велитова. И вновь ничего не получилось⁵. Затем он был одним из учредителей религиозной партии «Ренаф». И когда стало очевидно, что религиозные партии будут запрещены законом, он быстро сориентировался и стал во главе Евразийской партии. Осуществляя тактику приспособленчества, он присоединился сначала к партии «Единство», а затем плавно перешел в «Единую Россию». Но где бы он ни был, где бы ни выступал, он всегда представлялся последовательным оправдателем всех действий своей общины. К этой проблеме он подходил по-разному. То с тем, что через 10 лет каждый россиянин будет мусульманином. То с аргументами о том, что исламский терроризм – это миф, ибо это не имеет отношения к его религиозным традициям. Обязательным рефреном в его речах стало утверждение, что без ислама и без мусульман России не выжить, что именно в союзе с ними у России имеется будущее. Иначе, пугает он, будет то, что случилось в Югославии. Кстати, этим он потрафляет тем русским националистам, в том числе рядящихся в религиозные одежды, которые не прочь иметь такого союзника. Именно этим убеждением объясняется его страсть и склонность к евразийству. Его волнует не содержание этого феномена, а возможность использовать его как инструмент, средство достижения своих целей⁶.

Во-вторых, это манипуляторы, которые применяют религию для того, чтобы ее использовать не столько для просвещения умов, духовного воспитания и для использования ее в конструктивных социальных целях, сколько для того, чтобы, комбинируя и духовные и светские идеалы, добиваться целей, далеких от того, что они публично провозглашают. Этот тип скорее внерелигиозен, потому что он использует любую религию, будь то христианство, ислам, буддизм или любая другая конфессия для реализации своих карьеристских целей. Желание заявить о себе,

⁵ Коммерсантъ-власть, 1999, 7 декабря.

⁶ Версия, 2001, 13-19 ноября.

продемонстрировать свое я, приводит таких деятелей к экстравагантным поступкам, вроде предложения депутата Госдумы от ЛДПР А.Митрофанова, выдвинувшего идею создать православное государство во главе с Алексием II по типу «православного Ватикана». Он даже предложил территорию для этого государства – Храм Христа Спасителя или Сергиев Посад. Причем, его аргумент сводится к тому, что, если «церковь отделена от государства, то этот принцип необходимо закрепить территориально»⁷.

Используя религию в инструментальных целях как средство достижения личных или групповых целей, подобные чиновники, бывшие и особенно будущие депутаты стремятся попроситься на прием к патриарху, епископу, имаму и т.д., чтобы засвидетельствовать свое почтение, получить благословение и «набрать очки» в предстоящей избирательной компании или для решения своих личных проблем. Этот соблазн трудно преодолеть, ибо потребность опереться на верующих является залогом доступа как к обладанию капиталом, так и властью. И не удивительно, что многие из чиновников, которые ни во что не верят (кроме денег и власти), в то же время носят религиозные амулеты, иногда посещают церковь и «духовно возрождаются». Все чаще государственные чиновники, в том числе и на местном уровне, стали внедрять такую норму, что без согласия духовных пастырей не принимаются сколько-нибудь серьезные решения. Как отмечают эксперты, особенно это процветает на Кавказе и в таких этноконфессионально напряженных районах как Дагестан⁸.

В-третьих, это чиновники-имитаторы, реальной причиной действий которых является подражание и желание угодить вышестоящей власти, ибо от этого многое зависит в карьере или просто желание быть в кругу так называемой властвующей элиты.

Ведь стало престижно (а для чиновников даже необходимо) подчеркивать свое позитивное отношение к религии, а иногда и демонстрировать

⁷ Солдатов А. РПЦ не хочет превращаться в «православный Ватикан», Московские новости, №24

⁸ См. Абулагатов З.М. Современная религиозная ситуация в Дагестане (процессы мусульманского возрождения) /Этнографическое обозрение, 2002, №6, С.66; Фатуллаев М. Белый конь для ваххабитов /НГ, 2002, 17 октября

преданность ей, пусть даже показную. В речах многих из них стало звучать к месту и не к месту упоминание о Боге, о пророках, о Священном писании. В кабинетах появились иконы, на шею повесили крестики. А иногда даже стали посещать церковь, но желательно, чтобы это приобщение было зафиксировано прессой и показано по телевидению или, по крайней мере, озвучено по радио. Почти признанным необходимым актом в карьере для многих чиновников стала демонстрация «своей» приверженности к религии. Верит - не верит – это дело десятое. Главное, показать свою лояльность, продемонстрировать, что в твоей жизни религия занимает видное место. Хотя, как показывают социологические исследования, чиновники мало отличаются от всего населения. Причем это в одинаковой мере присуще чиновникам как в православных, так и мусульманских регионах⁹. Поэтому поведение чиновников в такой ситуации (по крайней мере, многих из них) выглядит плохо прикрытым цинизмом, карьеристским расчетом и полным игнорированием всяких понятий о чести и достоинстве. Как, например, оценить, инициативу чиновников Роскосмоса, которые перед приездом Путина и Назарбаева на Байконур для присутствия при запуске казахстанского спутника связи «Kazsat» решили окропить ракету святой водой(!). Для этого специально пригласили отца Сергия, настоятеля храма Святого мученика Георгия Победоносца. Как комментировать эти действия, которые смешивают научную истину и веру?¹⁰.

В-четвертых, это популисты, заигрывающие как с религией, так и клерикальными настроениями в обществе. Именно от них звучит предложение предоставить РПЦ и некоторым другим религиозным организациям статус привилегированных партнеров власти. Насколько это получится, можно будет судить, наблюдая за судьбой законопроекта С.Глазьева «О социальном партнерстве». Трудно в этом увидеть истинное и искреннее намерение данного депутата Государственной думы, который

⁹ Данные Левада-центра, Известия, 2004, 17 января.

¹⁰ Латышев А. Ракета с православным уклоном // Известия, 2006, 19 июня.

пытается играть сразу на нескольких инструментах с расчетом выйти на передний план политической сцены. Или можно его заподозрить в том, что он впал в державный романтизм, заявив о своем стремлении возродить в капитализирующейся России «традиционные духовно-национальные ценности, основанные на вековом равноправии»¹¹. Речь скорее идет о некоем прагматическом подходе, при котором выигрывает не только и не столько церковь, сколько сам инициатор этой идеи.

Аналогичны деятельность и феномен Кирилла Фролова, православного идеолога «Родины», который является ярким проповедником «политического православия». В известном смысле он копия Ниязова (или Ниязов его). Амбициозный, недоучившийся, был сначала в рядах хиппи. В одно время он выступал против православной церкви, потом стал ее ярким поборником. Основной идеей его выступлений (в том числе и от имени «Родины») стало постепенное превращение РПЦ в государственную церковь России. Он отвергает право «свободного нравственного выбора» и в то же время ратует в рамках созданного Союза православных граждан за беспрекословное господство православия¹².

В-пятых, есть парадоксальные представители официальной власти, которые занимают весьма противоречивую позицию. Так, мэр Москвы Ю. Лужков заявлял, что он в Бога не верит, но верит церкви. Его поведение сравнивают с поведением князя Владимира накануне крещения Руси или короля франков Хлодвига в период раздумья по отношению к христианству. Очевидно, что подобных чиновников заботят не мировоззренческие и собственно религиозные проблемы – они их используют в прагматических целях, обозначив тем самым ясное понимание своих интересов¹³.

В-шестых, можно выделить и такую группу чиновников-клерикалов, которые достаточно последовательно выполняют функцию

¹¹ Солдатов А. Скитания по православию. /Московские новости, 2004, №9, 12-19 марта.

¹² Солдатов А. Цит. раб.

¹³ См. Конь И. Корневой консерватизм. /НГ. 1997, 30 января.

адвокатов религии, которые непременно пытаются доказать ее полезность, необходимость и даже неизбежность ее участия в решении общественных проблем. Такова, например, деятельность полномочного представителя Президента РФ в Центральном округе Полтавченко, который при всяком удобном случае демонстрирует свою верность православию и обосновывает свои действия «высшими государственными интересами». Он, как и некоторые другие высшие чиновники, открыто игнорирует тот факт, что церковь отделена от государства, а они являются, по Конституции, представителями светского государства. На выставке «Православная Россия» Г.Полтавченко вел себя так, как будто он олицетворяет Церковь, а не государство. «Церковь отделена от государства (хорошо, что вспомнил – Ж.Т.), но не отделены от него верующие, - сказал он на открытии выставки. – Сколько здесь людей собралось. Значит, мы не равнодушны. Значит с нами Бог»¹⁴.

Не уступают такой демонстрации «глубокого» проникновения в смысл сущего на Земле в соответствии с религиозными канонами и чиновники более низкого ранга, но имеющие обширные возможности для осуществления клерикализации общественной жизни, государственной политики. Вот слова заместителя министра образования Леонида Гребнева «Поиски смысла жизни – это религиозные поиски». И это из уст организатора народного просвещения! И затем он пускается в пространные рассуждения, которые полностью отвергают светский характер образования и воспитания, не говоря о том, что такие соображения ставят под сомнение положения Конституции России¹⁵.

И наконец, это экстремисты, которые особенно ярко проявляют себя в проповеди человеконенавистничества, в ксенофобии, как, например, бывший министр информации в самопровозглашенной исламской

¹⁴ Известия, 2004, 10 декабря.

¹⁵ Тимофеева О. Православная культура станет обязательным предметом школьной программы. /Известия. 2004, 28 января.

республике Дагестан, возникшей в период вторжения Басаева. Этот деятель берет в свои руки оружие, которое можно назвать фашиствующими идеями, замешанными на религиозном фанатизме. Для того, чтобы доказать свою приверженность русофобии и антиправославию, он чернит все, что стоит на его пути. «Русская нация – это симбиоз финно-угорских, славянских и тюркских племен, всплывший в сибирских, среднеазиатских и кавказских анклавах... Нас просто тошнит до рвоты... В нашей войне необходимо реализовать опыт русских наоборот»¹⁶.

Это тем более показательно, потому что «ислам играет в российской политике двоякую роль, с одной стороны, это фон, на котором разворачиваются события, с другой – ислам – инструмент, который используется и будет использоваться различными политическими силами России»¹⁷.

Подытоживая разговор о типах среди определенной части чиновничества, на наш взгляд, следует напомнить опыт великих политических деятелей, которые, будучи религиозными людьми, выступали скорее как гуманисты, а не как верующие. Блестящий образец такого поведения дал Джавахарлал Неру (1889-1964). Неру не был религиозен в строгом смысле слова. Религия – будь то индуизм, ислам или христианство – его не привлекала из-за суеверия и догматизма. Ощущение гармонии приходило к Неру от созерцания природы. Религии же, по его убеждению, дали истории не только прекрасных людей, но и фанатичных, ограниченных, жестоких тиранов. Вместе с тем, Неру был убежден в полезности религии, поскольку считал, что она принесла в человеческую жизнь духовные ценности. И хотя некоторые ценности «утратили свое значение» или даже «стали вредны», многие из них по-прежнему составляют фундамент этики. Однако этика Неру была ни индуистской, ни христианской, ни чьей-то другой. Например, в социализме молодого советского государства главным этическим плюсом он считал вынужденное ограничение свободы личности

¹⁶ Цит. по: Речкалов В. Идеолога дагестанского ваххабизма начали судить. /Известия, 2004, 30 июня.

¹⁷ Цит. по: Попова С. Исламское будущее/ Известия, 2001, 22 декабря.

ради этой самой свободы. Неру, по его признанию, привлекал «традиционный китайский взгляд на жизнь, фундаментально этический и все же нерелигиозный или слегка окрашенный религиозным скептицизмом». Вообще он тяготел к древним культурам, в том числе и своего народа. Поэтому он всячески противился традиционному религиозному сознанию. Он боялся, что пути ортодоксии сковывают свободный полет души. Таким образом, отдавая должное некоторым моментам религиозного влияния на жизнь человека, общества, государства, он признавался, что ему импонировал «некий расплывчатый гуманизм». И в этом сказались величие этого человека и государственного деятеля, так много успевшего в своей жизни. Поэтому прав один из библиографов, когда написал об отце индийской демократии: «Когда Неру ушел со сцены, идеализм и величие покинули индийских политиков»¹⁸. Иначе говоря, отдавая должное религии, политический деятель должен помнить, что он в первую очередь гуманист, а не приверженец узко понятого религиозного концепта.

Характеристика деятельности чиновников-клерикалов

По сути, значительная часть постсоветского чиновничества стала одним из мощных средств осуществления клерикализации своих стран. Причем, этот процесс вовлек в свои объятия все уровни – от самых верхов до самого мелкого чиновника. Фактически процесс клерикализации страны начал первый президент России Ельцин, непосредственно и открыто демонстрируя свою приверженность православию. За ним последовали и другие, ставшие во главе новых независимых государств. Такой деятель как Э.Шеварднадзе даже пошел на то, чтобы провозгласить в Грузии православие государственной религией, что, кстати, не спасло его от свержения с поста президента страны. Демонстративно подчеркивают свои связи с религиозными иерархами правители Украины, Азербайджана, Таджикистана, Туркмении и других стран. А что делать в этой ситуации

¹⁸ Цит. по: Плешаков Ю. Духовное одиночество /НГ, 2004, 1 декабря.

свите, среднему и низшему слою чиновничества? Поэтому не удивительно, что многие чиновники, страдающие подобострастием, копируют поведение верхов. Более умудренные, карьеристски настроенные, пытаются внести свою собственную лепту в этот процесс взаимодействия с религией, выдумать нечто, что бы «развивало» предложения свыше.

В целом деятельность чиновничества как в России, так и практически во всех постсоветских государствах развивается в условиях отсутствия вразумительной научно обоснованной политики по отношению к религии. Шарахание в этом процессе привело к тому, что изначально было допущено много ошибок. Так, в России, под фальшивым лозунгом свободы совести без всяких ограничений Ельциным был ликвидирован Комитет по делам религии при Совете Министров СССР, а затем и РСФСР, которые худо-бедно, но осуществляли некоторую экспертную, координационную наряду с контролирующей роль. В этот период в Россию хлынул поток самых различных миссионеров, вербовщиков в «уникальные» религии и секты и просто авантюристов под флагом тех или иных конфессий. И официальные представители принимали всех без разбору, для того, чтобы продемонстрировать себя поборниками демократии, борцами против социалистических ограничений. И некому было подсказать, как в случае с приемом вице-премьером Лобовым руководителей изуверской секты «Аум Синрикэ», что поддержка религии не означает всеядность, заискивание и просто глупость и тупость в общении с представителями других конфессий. Печально и то, что высокий чиновник не просто принял, но и оказал содействие функционированию этой секты в России, на базе которой выросли изуверы, которые запечатлели себя в истории терактом в токийском метро, повлекшим гибель и контузию многих людей.

Теоретическая (научная) слабость и шарахание характерны не только для российских политиков. Эти ошибки повторяют лидеры и других стран СНГ. Так, Каримов, президент Узбекистана, попытался заигрывать с исламистами, в том числе и с Исламской партией Узбекистана и некоторыми

зарубежными посланцами в виде эмиссаров партии «Хизб ут-Тахрир». Но очень скоро он понял, что с ними нужно вести иной разговор, что выразилось в подчеркнуто светской направленности проводимой им политики и жестких методах противостояния с религиозными экстремистами. Такую же слабость и зигзагообразность политики продемонстрировал и бывший президент Киргизии Аскар Акаев. Взлелеянный Западом и российскими либералами как истинный демократ, он сначала утверждал, что опасность ваххабизма в его стране «сильно преувеличена». Пользуясь попустительством, террористы свою штаб-квартиру расположили в Бишкеке, а ученики Хаттаба, которые активно финансировались им, в киргизской столице ждали сигнала для организации взрывов в Ташкенте. Именно на базарах Киргизии стали беспрепятственно появляться листовки следующего содержания: «Бешеная атака еврейского кафира Ислама Каримова и организаций его государства против призывающей к исламу партии «Хизб ут-Тахрир» не ослабевает. Мусульмане, не падайте духом!». Однако после вторжения узбекских исламистов на территорию республики он коренным образом изменил взгляд по этому вопросу, подписал с Ташкентом соглашение о совместной борьбе с религиозным экстремизмом, ибо понял, что установление власти исламских экстремистов и фанатиков в центральноазиатских странах чревато многими губительными последствиями. Близорукость, отсутствие стратегического мышления – это тоже верный помощник для установления клерикальных и теократических режимов¹⁹.

Неразборчивость, некомпетентность при определении отношения к религиозным сектам приводят к печальным решениям. Так бывший второй секретарь горкома КПСС г.Набережные Челны, затем мэр этого города, даже побывавший замминистра финансов России, разрешил в 1995г. в своем городе деятельность секте Хаббада, основавшего Всемирную церковь сайентологии в 1952г. Это ему принадлежат слова «хочешь стать богатым –

¹⁹ Ротарь И. Фундаменталисты активизируются /НГ, 2000, 15 августа.

придумай свою религию». И дело не только в том, что свои богатства он получал через центры дианетики (кто и какие средства не выкачивает из народа), а в том, что деятельность этой церкви уже долгое время находится под полицейским контролем в Канаде, США, Италии, Франции, Греции и ряде других стран, где она запрещена «за использование приемов и методов воздействия на людей, приводящих к тяжелым и психическим последствиям». Но ее особая опасность состоит в том, что она формирует у людей стремление править миром или по крайней мере окружением и добиваться важных для себя результатов²⁰.

Роднит многих современных российских чиновников с религиозными клерикалами недоверие к науке и научным данным. Особенно они не любят социологическую информацию, которая обычно обращает внимание на нерешенные проблемы, на недостатки, на отвержение населением непродуманных и скороспелых решений. В этом смысле чиновники подозревают исследователей в несовершенстве их программ, их инструментария, выборки и даже в политической ангажированности особенно тогда, когда выводы ученых не совпадают с их мнением. Кстати, это касается и психологии, как утверждает священник Андрей Лоргус, имеющий помимо духовного и светское, психологическое образование²¹. Нежелание советоваться с учеными приводит к тому, что чиновники ввели даже президента России в заблуждение, он назвал верующих на Северном Кавказе шиитами, хотя там существует суннитская ветвь ислама. (Всего около 3% мусульман, в основном лезгин и даргинцев, исповедуют шиитский ислам)²².

Методы клерикальной деятельности бюрократии

Особо следует сказать о методах, применяемых частью бюрократии при реализации синтеза политических и религиозных отношений. Очень

²⁰ Версия, 2004, №24.

²¹ См. например, НГ-религии, 2005, 13 июля.

²² Известия, 2000, 12 сентября.

распространенной практикой стало для многих представителей политического или идеологического спектра – от консерваторов до либералов, от правых до левых – цитирование Священного писания (будь то Библия, Коран или Тора) избирательно, профанирование и вульгаризация его в своих целях и намерениях.

Первым признаком «нового» отношения представителей бюрократии к религии стало обязательное посещение церквей, мечетей, других культовых учреждений в дни церковных праздников. При этом вчерашние атеисты неуверенно держали свечи в руках. Согласно ритуалу, причащались, лобызались с религиозными деятелями (на региональном и местном уровне соответственно со «своими» служителями культа). Не отставали от этих привычек и бывшие советские и партийные деятели бывших советских республик. Бывший первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г.Алиев совершил хадж в Мекку. В других республиках первые лица также завели за правило показывать свою лояльность и приверженность церкви. Эти действия высших лиц страны делались достоянием гласности при помощи средств массовой информации, что стало сигналом для копирования поведения на всех уровнях государственного управления. Этот примитивный показ своей причастности и «верности» религии лишь ставил вопрос: стали ли они в самом деле верующими, или церковь и мечеть им нужны для укрепления своей власти, для большей легитимации своего властного положения?

Затем последовало более «глубокое» приобщение к религии. Стало модным и обязательным освящать любое мероприятие, благословлять любое событие, выслушивать напутствие по поводу любого действия. И вот мы видим как практически ни одно значимое событие как на общероссийском, так и местном уровнях не обходится без священников, читаются молитвы, а вокруг стоят политические деятели, на лицах которых написано удовлетворение от того, что и «у нас как у людей», что это «так надо» и что это рвение заметят сверху и это может окупиться сторицей.

Никакого истинного почитания в этих показухах нет – есть только убеждение, что данные действия – необходимое средство для «полноценного» участия в политических, государственных делах. Доходит порой до анекдотических случаев. Государственная Дума, по мнению депутатов от «Родины» Чуева и Крутова, стала местилищем грубых и откровенных соблазнов. Причину этого они увидели в том, что бывшее здание Госплана ССР при передаче его нижней палате не было правильно освящено. Поэтому, по их мнению, «за прошедшие десять лет Госдуме не раз преследовали неудачи, деятельность ее не раз омрачалась противостоянием и конфликтами... Возникали даже силовые конфликты между депутатами»²³.

Еще более высокой степенью «слияния» части чиновников с религией стало строительство всевозможных культовых зданий, в том числе и с участием государственных средств. Только в Татарстане за 1990-е годы было воздвигнуто несколько тысяч мечетей. Не отстают от этих темпов и некоторые госчиновники, рьяно демонстрирующие свою причастность православию. Так, в Саратовской области бывший губернатор Дмитрий Аяцков, который всегда отличался оригинальностью, финансировал епархию за счет налогоплательщиков, принялся восстанавливать храмы и «возрождать профессию священника»²⁴.

Но когда культовые здания воздвигаются по частной инициативе и на добровольные пожертвования – одно дело. Другое дело – когда в этом процессе участвуют многочисленные зарубежные фонды. И третье дело, когда в этом стало принимать участие государство, когда деньги налогоплательщиков шли на «богоугодные дела». Как заметил в одном из своих интервью муфтий Татарии: «Религия отделена от государства, но не от чиновничества. Они тоже верующие, будь то татары или русские. Если бы республика, главы местных администраций, руководители предприятий не участвовали, не помогали бы посильно в строительстве мечетей, не было бы

²³ См. Соколов М. Фельетон. Известия, 2004, 17 апреля.

²⁴ Версия, 2002, №49.

тысячи приходов. Добровольных пожертвований не хватит на оплаты различных услуг, воды, газа»²⁵.

В этом случае возникает масса вопросов и прежде всего – а по-прежнему ли отделена церковь от государства? Именно такое использование народных денег под разными предложениями стало очень распространенной практикой. Кстати, этим порождаются межконфессиональные конфликты, когда начинают считать, а кто за что получил и соизмеримо ли это с весом и значением той или иной религии. Чиновники втягивают государство в разборки, так как это достаточно наглядно показывает взаимоотношения светской и духовной власти, которые хотели бы или нет их приверженцы, приобретает теократический аспект. Даже тогда, когда строительство, восстановление или реконструкция культовых зданий идет за счет частных вложений, то и здесь государство в лице своих органов должно иметь слово, чтобы не получалось, как в некоторых селах Башкирии и Татарстана, когда в одном селе воздвигались две и даже три мечети, ибо таково было пожелание богатых выходцев из этого села, которые не взирали на то, что и одна мечеть была загружена едва-едва, не говоря уже об отсутствии священнослужителей (мулл).

Еще одним показателем клерикализации деятельности бюрократии стало распространенная практика дарения, передачи в собственность, передача государственных материально-экономических ценностей или финансовых средств. И это протекает в достаточно широких масштабах, и особенно распространено на региональном уровне, где государственно-религиозные отношения воплощаются в личной дружбе главы региона со священнослужителем соответствующего уровня, как это происходит, например, в Белгородской области. Личные симпатии и может даже личная привязанность почему-то находят воплощение в том, что служителям культа передается многое, прощается многое и задабривается (ради чего?) многим. Может быть этими актами они оберегают свою

²⁵ Фатуллаев И., Ислам в жизни населения Узбекистана. Ташкент, 2005.

собственность? В этой ситуации уместно напомнить одно из требований иранской Конституции (заметьте теократической), в которой, единственной в мире, записано, что «собственность лидера страны, президента, министров, а также их жен и детей проверяется главой судебной власти до и после окончания службы указанных лиц на предмет предотвращения ее незаконного приращения»²⁶. А если к этому добавить и закон, принятый Государственной думой, которая запретила конфискацию имущества при любых правонарушениях, то возникает вопрос, а есть ли на чиновниках крест, за который они так ратуют? Чего тут больше – мимикрии, приспособленчества, хапужничества да еще с гарантированной защитой?

Клерикализация определенной части российского чиновничества продолжает свои победные шаги. Вот уже и функциональные чиновники – от культуры, от образования, от здравоохранения – выходят с «инициативами»: построить часовню или церковь на территории больницы, учебного заведения, мемориального комплекса, ввести обязательное изучение основ православной культуры. К настоящему времени этот процесс охватил святую святых любого государства: армию, органы внутренних дел и даже ФСБ. Нередки такие сообщения. «Недавно у пациентов и врачей Центрального клинического госпиталя ФСБ России появилась церковь. Храм Святого великомученика Пантелеймона был построен концерном «Крост». По мнению врачей, церковь станет неотъемлемой частью лечебного процесса, поскольку результаты лечения напрямую зависят от душевного состояния человека»²⁷. Присягу, начало учений, профессиональный праздник силовых структур уже трудно представить без участия священнослужителей, как правило, православных, что опять может ронять опасные семена вражды среди различных конфессий.

Анализ этих методов деятельности чиновников позволяет утверждать, что происходящее взаимодействие между многими чиновниками и религией, особенно православной, очень напоминает византийскую политику, когда

²⁶ Цит. по: Дружиловский С. «...Плюс исламизация всей страны» /НГ-религии, 2004, 26 мая.

²⁷ Известия. 2005, 11 августа.

под внешним благолепием, показом своей «преданности» друг другу и церковь и государство в лице своих чиновников преследует не народные интересы, интересы страны, а своекорыстные намерения и цели. При этом происходят казусные случаи. Так день воскресения Господня мало соответствует тому, что именно в этот день президента страны поздравлять с политическими успехами²⁸. Не остается в долгу и светская власть. Иерархи церкви снизу доверху принимают официальные поздравления от властей со всеми религиозными праздниками, с днями рождения и вкупе с гражданскими «красными» датами. Постоянная демонстрация византийской «симфонии священства и царства» слабо коррелирует не только с правилами взаимоотношений современных государств и современных религий, но и с реалиями самой России. Кстати, византийство проявляется в массе «мелочей». Почему, например, сильные мира сего стоят в храме отдельно от массы верующих?²⁹.

Подчеркну, что эту ситуацию религиозной неразборчивости в среде чиновничества породил и первый президент России и его окружение. Не говоря уже о массе ляпов как в начале, так и в процессе своего правления, на заключительном этапе своей деятельности Ельцин 31 декабря 1999г. попросил патриарха Алексия 11 приехать и присутствовать при передаче властных полномочий Путину. Более того, патриарха попросили «благословить Владимира Владимировича на его новое трудное служение». С точки зрения и буквы и духа закона действующей Конституции значение этого действия совершенно абсурдно: в момент величайшей государственной важности глава России и его приемник призывают руководителя одной из общественных организаций и просят его одобрить эти действия. Но невозможное юридически это действие имело свое оправдание: власти не хватало легитимности. Ведь согласно опросам общественного мнения одно из первых мест по доверию принадлежало церкви при огромном недоверии ко всем властным структурам, в том числе и президенту, которому доверяли

²⁸ См. Известия, Фельетон М.Соколова. 2004, 17 апреля.

²⁹ Беляев А.Е. Места для VIP-молящихся, /Известия, 2004, 13 января.

несколько процентов россиян. И поэтому понятно, почему в этой ситуации власть решила опереться на церковь.

Таким образом, тенденции сближения бюрократии и церкви налицо. Но стоит надеяться, как это высказал А.Верховский, что «инерция сближения не заведет слишком далеко». Это, по его мнению, «зависит не от отношений власти и Церкви, а развития отношений внутри самой власти»³⁰. И такое состояние лишней раз подчеркивает, что решающая роль в том, насколько возможно тихое, ползучее превращение светского государства в некое теократическое образование, полностью зависит от государства и возглавляющих его деятелей.

Последствия сращивания бюрократии и религии

Таким образом, чиновники, заигрывающие с религией, так или иначе, осознано или стихийно олицетворяют клерикальные тенденции в жизни российского общества, но и одновременно ведут к большим конфликтам, к обострению не только межконфессиональных, но и социально-политических отношений.

История неоднократно показывала, что чем сильнее наступает клерикализм, чем рьяно осуществляют поддержку религиозному нажиму государственная бюрократия, тем сильнее расцветает атеизм, тем больше появляется людей, готовых на активное противодействие предоставлениям всяких преимуществ церкви. История знает много примеров, когда усиление клерикализма как формы политического воздействия на жизнь государства и общества, приводила к прямо противоположным результатам. Инквизиция породила огромную армию противостоящих ей. Она не смогла задержать появление протестантизма, других форм независимости от католицизма. Попытка усилить клерикализм во Франции в XVIII веке привел к появлению таких мощных представителей атеистического мышления как Вольтер, французские просветители. Именно попытки контролировать и подчинить

³⁰ Верховский А.М. Власть и религия в современной России. //Свободная мысль-XXI, 2004, №4, С.154

жизнь человека, сделать ее стандартной породили великие расколы в жизни религий, которые потом лихорадили общества и мир. Это убедительно продемонстрировал раскол христианства на католицизм и православие. Затем из католицизма выделился протестантизм, а из православия – старообрядчество. Нечто похожее произошло с исламом, расколовшегося на суннитов и шиитов. Затем среди суннитов появился ваххабизм, не говоря о многочисленных сектах.

Особенно губительна деятельность многих представителей бюрократии при одновременном решении этнических и конфессиональных проблем³¹. Незнание специфики тех и других, а также возможной их комбинации может породить такую гремучую смесь, которая может взорвать социальный мир во многонациональных и поликонфессиональных регионах. Именно беспредельная близорукость поведения чиновников сначала в Чечне, затем в ряде других национальных республик Северного Кавказа привела к крупнейшим просчетам в религиозной и национальной политике, превратив религию в мощное средство сопротивления и противостояния федеральному центру. Вкупе с замшелыми методами старых Духовных управлений мусульман в этих республиках бюрократия волей неволей формирует очаги сопротивления в результате сначала беспредела в допуске различных мусульманских миссионеров из-за рубежа, а затем неумелым противостоянием им в ситуации, когда экстремистскими, в том числе и ваххабитскими идеями поражено значительное количество населения, особенно молодежи. Это неспособность стала проявляться даже в таких регионах, как Адыгея; где никогда не был силен ислам, но неразумная политика в области национальных и конфессиональных отношений привела к формированию сил сопротивления, к появлению в этой республике в 2005г. общественного движения «Черкесский конгресс», который сразу же получил поддержку от религиозных и националистических центров за рубежом, выступив с предложением признать геноцид адыгов в период

³¹ см.: Мчедлов М.П. Этнос и религия. //Обозреватель, 2004, №2, С.72-73

Кавказской войны. Затем деятели этого конгресса перешли и к более глобальным геополитическим проектам – к созданию Черкесской республики в составе нынешних Адыгеи, Кабарды, Черкессии и Шапсуги. И что самое опасное в этом – во многом идет опора на религиозные исламистские силы³².

От поведения бюрократии зависит межконфессиональный мир, возможность возбуждения или угасания религиозного недоверия. И то, что православная иерархия выдвигается на первый план во взаимоотношениях с государственной властью, не осталось без внимания для представителей других конфессий и связанного с ними чиновничества. Ситуация выпячивания многими чиновниками православия в ущерб другим религиям существенно осложняет социальное согласие. Поэтому вполне справедливо звучит высказывание президента Татарстана М.Шаймиева: «В федеральном законе о религии особо выделяется православие, что вызывает вопросы у мусульман, которые Россию считают своей Родиной. На официальных мероприятиях всегда присутствуют патриарх или другие иерархи православной церкви и гораздо реже мусульманские лидеры... Люди все это замечают. Никому не повредит соблюдение баланса в этих очень тонких вопросах. От этого не проиграют ни православие, ни светская власть, а общество в целом только выиграет»³³.

В заключение нужно сказать, что неразборчивостью, близорукостью и недальновидностью по отношению к религиозным экстремистам и террористам страдают не только многие российские чиновники, но и сильные мира сего в других странах. Так, премьер министр Великобритании Блэр неоднократно утверждал, что не надо преувеличивать опасность исламского экстремизма. Более того, он и его правительство по большому счету вели двойную, а иногда и тройную бухгалтерию. Британское правительство долгое время мирилось с ненавистническими высказываниями местных мусульманских лидеров, призывающих к джихаду. Оно представило

³² Нефляшева Н. Дремлющая сила общественного распада /Московские новости. 2006, №24

³³ Известия, 2001, 17 октября

убежище многих чеченским экстремистам. Оно оправдывало противоправные действия мусульман в период гражданской и конфессиональной войны в Югославии. Еще в январе 2005г. Блэр утверждал, что «нет такого понятия, как исламский террорист. Оно глубоко оскорбительно»³⁴. Но в июле 2005г., после ужасных терактов в лондонском метро ему пришлось признать, что опасность, несмотря на демонстрацию веротерпимости и лояльности даже к безусловно ненавистническим высказываниям, настигла и Великобританию. И естественно с его уст уже прозвучали другие слова – о необходимости бороться с религиозным терроризмом, о возможном ограничении свобод экстремистов и их преследовании за призывы к религиозной нетерпимости.

³⁴ Степанов Г. Салман Рушди призвал реформировать ислам /Известия, 2005, 12 августа